

gumanitarnogo i hudozhestvennogo obrazovaniya: innovatsionnyie strategii razvitiya: materialyi mezhdunar. nauch.-prakt. konfr. Krasnodar, 2014. S. 9–17.

7. Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. № 808

8. *Avanesova G. A.* Traktovka duhovnoy kultury i duhovnosti v otechestvennoy analitike v proshlom i teper' [Interpretation of spiritual culture and spirituality in domestic intelligence in the past and now] // *Vestnik Moskovskogo universiteta.* 1998. № 4. S. 3–17.

9. *Frank S.* Russkoe mirovozzrenie [Russian ideology]. SPb, 1996. S. 149–160.

10. *Barulin V. S.* Rossiyskiy chelovek v XX veke. Poteri i obreteniya sebya [A Russian man in the XX century. Losing and finding themselves]: monogr. SPb., 2000. S. 189–190.

УДК 161

Ю. А. ДАНИЛЕНКО

ПОНЯТИЕ ИСТИНЫ И ЕЁ КРИТЕРИИ

Автор рассматривает феномен истины и её определения в контексте различных философских учений, прослеживает, как изменялось данное понятие в процессе развития научной гуманитарной мысли.

Ключевые слова: понятие истины, философское учение, конвенционализм, общественная практика.

UDK 161

YU. A. DANILENKO

CONCEPT OF TRUTH AND ITS CRITERIA

Author examines the phenomenon of truth and its definition in the context of the various philosophical doctrines, traces how changed this concept in development of scientific humanitarian thoughts.

Key words: notion of truth, philosophical teachings, conventionalism, public practice.

Вопрос Пилата, что есть истина, проблема определения сущности истины и её критериев является одной из самых древних проблем, которая интересует человечество. Именно эта гносеологическая категория является центральной для выяснения мировоззренческой и методологической функций всего философского знания.

Однако что же есть истина на самом деле? В настоящее время вместо истины чаще всего предлагается наиболее распространённое мнение, при этом истина, ложь и заблуждения становятся равноправными. Конечно, как отправная точка движения к истине мнения необходимы, но надо не принижать знание до мнения, а возвышать мнение до знания [1]. Сократ говорил, что мнения – это океан, в котором рождается истина. Согласно другому древнегреческому мыслителю, Платону, когда мы говорим о вещах, каковы есть они на самом деле, то мы говорим истину. К истинному бытию или бытию истины (истинно-сущему бытию) нас приближает истинность знания и образа жизни. Аристотель считал: «прав тот, кто считает разделённое (в реальности) – разделённым и соединённое – соединённым» [2]. Истинное и ложное бывают не в самих вещах, а лишь только в мыслях. Высшие истины представляют собой согласие мышления с идеальными формами.

Кант, будучи уверенным, что сущность априори непознаваема, считал, что нельзя понять мир, называя объект познания вещь в себе. Скажем, феноменологи изучают явление, но без сущности, а сегодня явление одно завтра оно другое, а спокойное в явлении, т. е. закон этого явления, их не интересует. Поэтому никогда не надо ограничиваться явлением, надо проникнуть вглубь его и попытаться распознать и понять его закон. Явление может выражать сущность или нет. Соотношения явления и сущности разные, чаще всего явление не совпадает с сущностью. А выявленная сущность – это действительность. Можно сказать, что истина – это единство объективного – того, что есть, и субъективного – нашего знания о том, что есть. Целью любого познания является истина. Так называемый плюрализм есть не что иное, как попытка приравнивания истины и заблуждения, попытка низвести истину к мнению. Подводя итог двухтысячелетнему развитию философии, Гегель сформулировал определение истины как соответствие понятия объекту и соответствие объекта понятию. Для

него абсолютный дух – единство теоретической и практической идеи. Теоретическая идея познает мир, а практическая идея, или идея блага, добра, преобразует его с учётом понятий, выработанных разумом. Человек отражает в своем сознании в виде понятия, т. е. в виде такого бытия, через которое просвечивает сущность, познаваемый объект, и затем преобразует познанную действительность как уже выявленную сущность. «Идея есть истина в себе и для себя», развёртывающаяся в процессе диалектического развития [3]. Гегель впервые понял истину как процесс развития знания. Он различал истину и правильность. Правда – это односторонняя истина. Правильность всегда абстрактно отражает предмет познания, может включать в себя прямо противоположные понятия. Можно собрать множество односторонних правильностей за и против, что, например, и делают адвокаты, защищая определённые интересы. Кстати, современный уголовно-процессуальный кодекс не устанавливает истину в ходе судебного разбирательства, судебный процесс является чисто состязательным. И сейчас правоохранительными органами ставится вопрос об истине: должен ли суд устанавливать истину по делу? И знают ли законодотворцы, что такое истина с философской, общенаучной позиции и смогут ли процесс её выявления и определения сформулировать формально с точки зрения законодательной техники.

Нет людей без недостатков. Можно рассказывать про только одни достоинства человека, а можно только про одни его недостатки. Можно идти правильной дорогой, но не в ту сторону. Математика доказывает теоремы на основе правильности, на основе законов формальной логики. Один из её законов, закон исключённого третьего, гласит: либо А, либо не А, третьего не дано. Формальная логика абстрагируется от диалектического принципа: тождество может быть только лишь как тождество различного, а различие только лишь тождественного. Когда Лейбниц, основатель дифференциального исчисления, придворным дамам изрёк это положение, то они вышли в сад и никак не смогли найти одинаковых листьев. Поэтому правильность – это ещё не истина. Скажем, критика – это не голое отрицание, не отбрасывание, не уничтожение, а ещё и утверждение того, какой вклад в общественное развитие внесено тем, кто является объектом критики. Недостатки – продолжение наших достоинств. Не указать на них значит умалить те достоинства, которые позволяют их преодолевать, так как отрицание этих недостатков или отрицание отрицания и есть наше достоинство. Одно и то же суждение по-разному звучит в устах молодого юноши, никогда не подвергавшегося искушению, и в устах зрелого мужа. Проблема истины – это попытка изобразить противоречие, которое есть во всём, его только необходимо разглядеть и выразить в понятии. А истина – это обязательно единство и того и другого, поэтому она всегда не односторонняя, не абстрактная, как, например, правильность, а всегда конкретна. У Гегеля есть короткое произведение: «Кто мыслит абстрактно?» В нём он показывает, как торговка на рынке мыслит абстрактно, т. е. односторонне.

В «Науке Логики» у Гегеля логически первая, конкретная и истинная категория – становление: движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии или беспокойное единство бытия и ничто. Единство возникновения и прехождения. Бытие и ничто – это абстрактные категории. Нет ничего ни на небе, ни на земле, такого бытия, которое не было бы преходящим. Всё преходяще. Вторая истинная категория – это изменяющееся *нечто* или изменение: *нечто* изменяется и переходит в *иное*, и в тот же момент *нечто* остается самим собой, а иначе это не *нечто* изменяется, а другое *нечто* или *иное*. Адекватность *нечто* самому себе, в повторяющемся изменяющемся цикле позволяет понять случайное и единичное и всё его своеобразие. С точки зрения диалектики, суждение Гераклита можно выразить следующим образом: в одну и ту же реку можно войти дважды, так как дважды только и можно войти в одну и ту же реку, а иначе это будут разные реки. И в одну и ту же реку нельзя войти дважды, так как все время будут омыwać разные воды. Постичь истину – значит понять предмет в своём противоречии. Познать его. Познание истины можно рассматривать как процесс, как изменение во времени. Когда мы что-то познаём, мы познаём не сразу, а продвигаемся вглубь бытия к сущности и всё развитие науки есть постоянное углубление в сущность, не ограниченное поверхностью бытия, потом из сущности выходим на поверхность, видим явление как выявленную сущность и тогда это будет действительность. Всё разумное действительно и все действительное разумно. Не всё что есть действительно, а только то, что соответствует сущности. Относительность истины обуславливается тем, что на каждом этапе историчес-

кого развития она отражает объект лишь в известных пределах, условиях, которые изменяются. Так, категория существования обусловлена основанием и условиями. Когда для какой-либо сути дела созданы все условия, она вступает в существование. Так как процесс рефлексии, постоянного отрицания бытия, снятия, продвижения вглубь сущности бесконечен, то и познать абсолютно всё невозможно, однако сам процесс познания возможен. Непонимание диалектики процесса познания приводит к тому, что он, как заранее обречённый на неудачу в поисках вечно ускользающей истины, отрицает переход от относительной истины к абсолютной. Относительность всех знаний человечества означает не отрицание объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения знания к истине. Как писал эстет М. Лившиц, человек раз и навсегда встал на две ноги. Это истина абсолютная. Когда мы говорим: «Вот истинная женщина», этим мы не хотим сказать, что другие женщины не существуют как женщины, но среди них, может быть, не все одинаково женственны, т. е. одинаково соответствуют своему понятию [4]. Поясняя эту мысль, Гегель приводит примеры истинного произведения искусства, истинного государства, истинного друга. «Эти предметы, – говорит он в “Малой логике”, – истинны, когда они суть то, чем они должны быть, то есть когда их реальность соответствует их понятию» [5]. Понимаемое таким образом неистинное есть то же самое, что обычно называют также дурным. Дурной человек есть не истинный человек, т. е. человек, который не ведёт себя согласно своему понятию, или своему назначению. Однако совсем без тождества понятия и реальности ничто не может существовать, даже дурное и неистинное существуют лишь постольку, поскольку его реальность каким-то образом и в какой-то мере всё ещё соответствует его понятию. Насквозь дурное или противное понятию есть именно поэтому нечто распадающееся внутри самого себя.

Вопрос о том, что есть критерий истины, тоже вопрос не ординарный. Критериями истины у основоположника рационализма Декарта была ясность и отчётливость, которая не даёт повода подвергать, то, о чём мы мыслим, какому-либо сомнению. «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает», знание о сущности всех вещей и процессов заключено во врождённых идеях, находящихся в голове у каждого человека. Основным методом получения этих идей он считал интуицию. Агностик Кант, который дошёл до противоречия, антиномий, назвал их «вещью в себе» и утверждал, что сущность вещей непознаваема, что это есть нечто трансцендентальное. Неопозитивисты Шлик, Витгенштейн, Рассел считали критерием истины верифицируемость, возможность сопоставления, сравнения с непосредственными данными чувственного опыта. Однако принципиально ненаблюдаемые процессы в микромире и взаимодействия метауровня не поддаются сопоставлению с непосредственным чувственным опытом, который субъективно ограничен и абстрагирован. Конвенционалисты Пуанкаре, Карнап утверждали, что определение истины и её содержание носит условно договорной характер. Принцип когеренции, непротиворечивости высказывания, в составе данной теории представляет отождествление объективного содержания суждения и его формы, логической структуры. Несостоятельность субъективистского критерия полезности основателя прагматизма Джеймса тоже очевидна, так как полезность зависит от экономических интересов общественных классов, которые зачастую противоположны. «Истинное – это просто выгодное в образе нашего мышления» [6]. Принцип большинства, как у Богданова-Малиновского, тоже нельзя считать критерием истины. Истину никак нельзя ставить на голосование. Порой большинство находится в заблуждении, а истина приходит в голову совсем не большинству, чаще одному. Не любая практика является критерием истины. Преобразующая деятельность людей связана с развитием, т. е. изменением от низшего к высшему или тем моментом развития, который связан с прогрессом. Ещё древнекитайский философ Мо-Цзы, считал, что только высказывания, которые претворяются от деятельности человека, становятся постоянным знанием.

Знание действительно никогда не было и не будет абсолютной истиной: ни один объект познания, вследствие его неисчерпаемости, нельзя познать до конца и познание относительно не только объекту познания, но и по отношению к его субъекту. Новые научные открытия не упраздняют старые фундаментальные основы, а лишь только определяют границы применимости, раскрывают их относительность. Только лишь чувственно предметная общественная, целенаправленная, действенная практика по преобразованию природы и общества исторически показала, что это самый эффективный критерий истинности знания.

Литература

1. Попов М. В. Социальная диалектика. Невинномысск, 2012.
2. Аристотель. Метафизика. IX. 1051. М., 1934. С. 34.
3. Гегель Г. Сочинения. Т. 1. М. 1929. С. 39.
4. Лифшиц М. Эстетика Гегеля и современность. М., 1984.
5. Гегель Г. Сочинения ... С. 320.
6. James W. Pragmatism. N. Y., 1963. P. 68.

References

1. Popov M. V. Socialnaya dialektika [Social dialectics]. Nevinnomissk, 2012.
2. Aristotel. Metafizika. IX. 1051. M. 1934.
3. Gegel G. Sochineniya [Compositions]. T. 1. M. 1929. S. 39.
4. Lifshic M. Estetika Gegelya i sovremennost' [Hegel's aesthetics and modernity]. M. 1984.
5. Gegel G. Sochineniya ... S. 320.
6. James W. Pragmatism N. Y., 1963. P. 68.

УДК 7.067

К. П. КАРАГОДА

ОБРАЗ СТАРОСТИ В СТАРЕЮЩЕЙ КУЛЬТУРЕ

В статье выявляется образ старости и смерти женщины в репрезентации женственности в европейском искусстве Нового и Новейшего времени. На примере творчества Уистлера, Энсора, Ходлера раскрывается риторика смерти в интерпретациях философов, культурологов и искусствоведов XX и XXI века.

Ключевые слова: старость, женщина-мать, культ мертвых, женственность, смерть женщины.

UDK 7.067

K. P. KARAGODA

IMAGE OF OLD AGE IN AGING CULTURE

Article reveals the image of old age and death of women in the representation of femininity in European art XVI – XX centuries. On the example of Whistler, Ensor, Hodler revealed rhetoric of death in the interpretations of philosophers, cultural studies and art critics of XX – XXI centuries.

Key words: old age, female mother, cult of the dead, femininity, death of a women.

Революционные движения в Европе и научно-техническая революция стали барометром перемен XIX–XX века. Опыт переходного этапа поучителен и интересен с практической и теоретической точки зрения, так как мы являемся свидетелями периода смены эпох, что становится ключом к пониманию современности.

Отношение к телу, к образу женщины, её возрасту меняется, что, несомненно, отражается в произведениях искусства. Старость, в том числе смерть женщины, вплетена во всю историю человечества, включая и современность. Эта тема заняла определенное место в искусстве.

Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол» описала вселенскую прародительницу – мать всего, как непреходящий символ всех мифологий мира: «В большинстве народных представлений Смерть – женщина, и женщинам надлежит оплакивать мертвых, потому что смерть – это их дело. Таким образом, у Женщины-Матери на лице печать тьмы: она – хаос, из которого все вышло и куда все должно однажды вернуться <...> Чосер вкладывает в уста старика, который никак не может умереть, такую мольбу: *Палкой моей ночью и днем / Стучусь я в землю, дверь матери моей, / И говорю: «“О мать! Впусти меня”»* [1].

Изображение старости и смерти женщины имеет большую историю в европейском изобразительном искусстве.

Альбрехт Дюрер в своём предельно реалистичном рисунке запечатлел свою мать («Портрет матери», 1514) незадолго до её смерти, а также в своём дневнике он описал последний час её жизни.